

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

о прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани

город Санкт-Петербург

9 июля 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, проводившего на основании статьи 49 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подготовку к рассмотрению в порядке статьи 47¹ названного Федерального конституционного закона дела о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ УК Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани,

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ данного Кодекса), наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей

или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

Статья 159³ названного Кодекса за мошенничество с использованием электронных средств платежа устанавливает наказание в виде штрафа в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительных работ на срок до одного года, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на срок до трех лет (часть первая), а также усиливает уголовную ответственность за такое мошенничество, совершенное при наличии признаков, указанных в ее частях второй – четвертой.

1.1. Постановлением дознавателя отдела дознания отдела МВД России по Железнодорожному району города Рязани от 9 июня 2020 года возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 159³ УК Российской Федерации (мошенничество с использованием электронных средств платежа).

По данному уголовному делу гражданину П. предъявлено обвинение в совершении указанного преступления. Согласно обвинительному акту от 28 сентября 2020 года, используя найденную банковскую карту на имя гражданки Т. и действуя из корыстных побуждений, П. совершил бесконтактную оплату нескольких товаров и услуг на общую сумму 4270 руб. 43 коп., чем причинил потерпевшей материальный ущерб.

Заместитель прокурора Железнодорожного района города Рязани, рассмотрев поступившие вместе с обвинительным актом материалы этого

уголовного дела, пришел к выводу о необходимости квалификации деяния обвиняемого по пункту «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации и принял решение о направлении уголовного дела для производства предварительного следствия, в ходе которого П. было предъявлено обвинение в совершении кражи (т.е. тайного хищения) чужого имущества с банковского счета (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159³ данного Кодекса) (постановление от 5 октября 2020 года).

С таким же обвинением уголовное дело поступило в Железнодорожный районный суд города Рязани, который постановлением от 17 февраля 2021 года принял решение о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации и приостановил производство по данному уголовному делу.

1.2. Железнодорожный районный суд города Рязани просит проверить, соответствуют ли положения пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ УК Российской Федерации статьям 1 (часть 1), 2, 15 (часть 1), 17 (часть 1) и 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они с учетом сложившейся правоприменительной практики позволяют одни и те же действия – совершение покупок с оплатой товаров (услуг) в безналичной форме чужой банковской картой – квалифицировать как по пункту «г» части третьей статьи 158 указанного Кодекса, так и по его статье 159³.

Как указано в запросе, квалификация одного и того же деяния по разным нормам Уголовного кодекса Российской Федерации нарушает принципы равенства и правовой определенности. Также – вопреки принципу справедливости – один и тот же ущерб оценивается в качестве признака либо тяжкого преступления (по пункту «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации – независимо от суммы покупки), либо преступления небольшой тяжести (по части первой статьи 159³ данного Кодекса – при сумме ущерба, превышающего 2 500 руб., но не являющегося значительным для потерпевшего) или административного

правонарушения (в случае признания деяния мошенничеством и при сумме ущерба, не превышающей 2 500 руб.).

1.3. Запрос Железнодорожного районного суда города Рязани принят Конституционным Судом Российской Федерации 8 апреля 2021 года к рассмотрению в процедуре разрешения дел без проведения слушания. Основанием послужила неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации положений пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ УК Российской Федерации в той мере, в какой путем выбора между ними в правоприменительной практике решается вопрос об уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета посредством использования неуправомоченным лицом платежной (банковской) карты, в том числе расчетной (дебетовой), кредитной, при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, закрепляет в числе основных прав человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, право частной собственности, которая в Российской Федерации равным образом признается и защищается наряду с иными формами собственности, включая государственную и муниципальную (статья 2; статья 8, часть 2; статья 35, части 1 и 2). Интересами защиты конституционного права собственности – которое, как и все другие непосредственно действующие права и свободы человека и гражданина, определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность органов публичной власти и обеспечивается правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации) – обуславливается необходимость применения эффективных мер публично-правовой, в том числе уголовной, ответственности за его нарушение.

Установление таких мер, направленных на защиту собственности от преступных посягательств, Конституция Российской Федерации возлагает

на федерального законодателя, предоставляя ему достаточно широкую свободу усмотрения, но одновременно обязывая его руководствоваться имеющими универсальное значение и по своей сути относящимися к основам конституционного правопорядка общими принципами юридической ответственности, включая принципы юридического равенства и правовой определенности, а также принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), которые получили конкретизацию в статьях 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П).

Федеральный законодатель, реализуя предоставленные ему Конституцией Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «о») дискреционные полномочия в сфере регулирования права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, определил – исходя из конституционно признаваемых целей, включая защиту прав и законных интересов других лиц, и вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, разумности и соразмерности – способы охраны собственности, в том числе от хищений, и закрепил в Уголовном кодексе Российской Федерации (в частности, в оспариваемых заявителем законоположениях) составы преступлений, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность.

3. Согласно пункту 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации под хищением в статьях данного Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Это понятие распространяется на все виды предусмотренных указанным Кодексом хищений, в том числе на кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества (часть первая статьи 158), и мошенничество – хищение

чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (часть первая статьи 159).

Таким образом, по смыслу Уголовного кодекса Российской Федерации кража и мошенничество являются самостоятельными видами (формами) хищений, а по отношению друг к другу образуют смежные составы преступлений, основным критерием разграничения которых является способ совершения таких деяний.

Вместе с тем, поскольку специальные признаки кражи денежных средств с банковского счета (пункт «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации) и мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа (часть первая статьи 159³ данного Кодекса), не определены в названном уголовном законе, содержание таких признаков, в том числе в целях надлежащего разграничения составов соответствующих преступлений, подлежит установлению посредством норм иной отраслевой принадлежности, определяющих, в частности, понятие банковского счета, электронных средств платежа, порядок их использования для проведения безналичных расчетов.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний. Регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 27 февраля 2020 года № 10-П и др.; определения от 21 апреля 2005 года № 122-О, от 1 декабря 2009 года № 1486-О-О, от 28 июня 2012 года № 1253-О и др.).

4. В силу Гражданского кодекса Российской Федерации безналичные расчеты осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями с открытием или без открытия банковских счетов в порядке, установленном законом и принимаемыми в соответствии с ним банковскими правилами и договором (пункт 3 статьи 861). Безналичные расчеты могут осуществляться в форме расчетов платежными поручениями, расчетов по аккредитиву, по инкассо, чеками, а также в иных формах, предусмотренных законом, банковскими правилами или применяемыми в банковской практике обычаями (пункт 1 статьи 862 данного Кодекса).

По договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету (пункт 1 статьи 845 ГК Российской Федерации).

Банковский счет может быть открыт на условиях использования электронного средства платежа (пункт 3 статьи 846 ГК Российской Федерации). Договором может быть предусмотрено удостоверение прав распоряжения денежными суммами, находящимися на счете, электронными средствами платежа и иными способами с использованием в них аналогов собственноручной подписи (пункт 2 статьи 160 ГК Российской Федерации), кодов, паролей и других средств, подтверждающих, что распоряжение дано уполномоченным на это лицом (пункт 4 статьи 847 данного Кодекса).

Согласно пункту 19 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий,

электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. К числу платежных карт как вида электронных средств платежа относятся, в частности, расчетные (дебетовые) и кредитные карты (пункт 1.5 Положения Банка России от 24 декабря 2004 года № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» (зарегистрировано в Минюсте России 25 марта 2005 года № 6431). К отношениям по договору банковского счета с использованием электронного средства платежа нормы главы 45 «Банковский счет» ГК Российской Федерации применяются, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе (пункт 7 статьи 845 этого Кодекса).

Таким образом, действующее законодательство закрепляет возможность осуществления безналичных расчетов по банковским счетам с использованием электронных средств платежа, в том числе платежных карт. Соответствующие законодательные положения конкретизируются нормативными актами Банка России, в том числе Положением от 24 декабря 2004 года № 266-П, Положением от 19 июня 2012 года № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (зарегистрировано в Минюсте России 22 июня 2012 года № 24667).

5. Существующее правовое регулирование банковского счета, безналичных расчетов и электронных средств платежа обеспечивает определенность учтенных в Уголовном кодексе Российской Федерации и рассматриваемых обособленно друг от друга признаков хищений, выражающихся в краже, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (пункт «г» части третьей статьи 158) либо в мошенничестве с использованием электронных средств платежа (часть первая статьи 159³).

Однако отнесение к хищениям противоправного списания денежных средств с банковского счета путем использования платежной карты владельца названного счета при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без

введения ПИН-кода, само по себе не предопределяет, при наличии в этом Кодексе обеих оспариваемых норм, однозначного установления способа такого хищения, а именно: является ли указанное деяние обманом или злоупотреблением доверием (обязательный признак мошенничества в силу части первой статьи 159³ УК Российской Федерации), либо тайным хищением (обязательный признак кражи в соответствии с пунктом «г» части третьей статьи 158 данного Кодекса).

5.1. С одной стороны, идентификация лица как законного владельца платежной карты, осуществляющего с ее помощью в рамках конкретной сделки оплату товаров (работ, услуг), не является необходимым элементом такой оплаты. Согласно пункту 2.10 Положения Банка России от 24 декабря 2004 года № 266-П клиенты могут осуществлять операции с использованием платежной карты посредством кодов, паролей в рамках процедур их ввода, применяемых в качестве аналога собственноручной подписи и установленных кредитными организациями в договорах с клиентами. Таким образом, при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода, предварительное установление того, что осуществляющее оплату лицо является законным владельцем соответствующей карты, по существу, отсутствует.

Данным Положением закреплено, что указанные в его пункте 3.3 обязательные реквизиты документа по операциям с использованием платежной карты должны содержать признаки, позволяющие достоверно установить соответствие между реквизитами платежной карты и соответствующим счетом физического лица, юридического лица, индивидуального предпринимателя, а также между идентификаторами организаций торговли (услуг), пункта выдачи наличных, банкоматов и банковскими счетами организаций торговли (услуг), счетами пункта выдачи наличных, банкоматов (пункт 3.6). Однако это также не предполагает предварительного установления того, что лицо,

осуществляющее использование платежной карты, действительно является ее законным владельцем.

Кроме того, в силу пункта 4.2 Положения Банка России от 15 октября 2015 года № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (зарегистрировано в Минюсте России 4 декабря 2015 года № 39962) при совершении операций с использованием платежной (банковской) карты без участия уполномоченного сотрудника кредитной организации – эквайрера или иной кредитной организации, не являющейся кредитной организацией – эмитентом, идентификация клиента проводится кредитной организацией на основе реквизитов платежной (банковской) карты, а также кодов и паролей; идентификация же представителя клиента, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца в указанном случае не проводится.

Нормативное допущение операций по банковским счетам с использованием платежных карт без предварительного установления того, что осуществляющие их лица являются законными владельцами соответствующих карт, может толковаться в качестве исключаящего необходимость для лиц, совершающих хищение денежных средств с банковского счета путем использования чужой платежной карты владельца банковского счета при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг), прибегать к обману (злоупотреблению доверием) уполномоченных лиц с целью представления себя в качестве законного владельца такой карты, что не позволяет расценивать такие деяния как мошенничество (покушение на мошенничество), подпадающее под действие части первой статьи 159³ УК Российской Федерации. Схожая позиция высказана в ряде решений по конкретным делам (определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 года № 10-УДП20-1, от 29 сентября 2020 года № 12-УДП20-5-К6, от

25 февраля 2021 года № 81-УД21-1-К8, от 9 марта 2021 года № 11-УД20-35-К6).

Данный вывод может быть распространен и на тот случай, когда уполномоченный работник организации, реализующей товары, выполняющей работы, предоставляющей услуги, в рамках имеющих в пункте 3 Рекомендаций при использовании банковской карты для безналичной оплаты товаров и услуг, содержащихся в письме Банка России от 2 октября 2009 года № 120-Т, полномочий может потребовать у лица, намеревающегося произвести оплату товаров (работ, услуг), предоставить паспорт, подписать чек или ввести персональный идентификационный номер (ПИН). Использование обладателем чужой платежной карты в таком случае обмана (злоупотребления доверием) для введения в заблуждение названного работника относительно принадлежности платежной карты не может рассматриваться как мошенничество (покушение на мошенничество), поскольку указанный работник не наделен распорядительными полномочиями в отношении денежных средств на конкретном банковском счете. Соответственно, обман похитителем уполномоченного лица торговой или иной организации (злоупотребление его доверием) может расцениваться в качестве действий по созданию условий для тайного хищения денежных средств с банковского счета, т.е. кражи (пункт «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации).

С другой стороны, само по себе использование чужой платежной карты с целью хищения денежных средств с банковского счета законного владельца этой карты путем отправления лицом распоряжения в адрес конкретной кредитной организации о списании денежных средств с названного банковского счета допустимо считать как основанное на обмане (злоупотреблении доверием) кредитной организации, уполномоченной в установленном порядке на осуществление операций по данному счету. Такой обман, совершаемый путем конклюдентных

действий, дает основание для его оценки как действительной причины незаконного изъятия денежных средств.

В этом случае указанное лицо в отношениях с кредитной организацией выступает под именем законного владельца платежной карты. Оно использует юридико-технологические особенности этого вида безналичных расчетов, проводимых без участия уполномоченного сотрудника кредитной организации и без установления того, что лицо, осуществляющее использование платежной карты, действительно является ее законным владельцем (презюмируется, что операция совершается законным владельцем карты или уполномоченным им лицом). То обстоятельство, что кредитная организация, пусть и в автоматическом режиме, проводит проверку законности банковской операции с использованием платежной карты и по ее итогам разрешает ее проведение или отказывает в операции, не дает оснований для оценки действий похитителя как производимых тайно.

Возможность такого толкования приводит к тому, что в правоприменительной практике данное хищение зачастую квалифицируется судами как мошенничество, подпадающее под действие части первой статьи 159³ УК Российской Федерации (кассационное постановление президиума Кемеровского областного суда от 22 июля 2019 года по делу № 44у-69/2019; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 23 января 2020 года; кассационные определения судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2020 года по делу № 77-108/2020 и от 7 мая 2020 года по делу № 77-170/2020; кассационные определения судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2020 года по делу № 77-381/2020, от 10 июня 2020 года по делу № 77-900/2020 и др.).

5.2. Таким образом, пункт «г» части третьей статьи 158 и часть первая статьи 159³ УК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования на момент принятия запроса суда к

рассмотрению действительно не позволяли надлежащим образом разграничивать содержащиеся в них составы преступлений применительно к случаям хищения денежных средств с банковского счета путем использования лицом платежной карты владельца названного банковского счета при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода.

Отсутствие надлежащего разграничения составов хищений, предусмотренных оспариваемыми законоположениями, создает условия для их произвольного применения, притом что один и тот же размер похищенного может в соответствии со статьей 15 указанного Кодекса выступать в качестве признака тяжкого преступления (кража по пункту «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации) или признака преступления небольшой тяжести (мошенничество по части первой статьи 159³ данного Кодекса).

Кроме того, отсутствие критериев этого разграничения (в ситуации, когда размер похищенного одинаков) может влечь для виновного в одном случае уголовную, а в другом – административную ответственность. Так, в случае если хищение с банковского счета денежных средств путем использования чужой платежной карты в сумме 2 500 руб. и менее квалифицируется как кража, то оно влечет уголовную ответственность на основании пункта «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации. Если же это деяние будет квалифицировано как мошенничество, то виновный привлекается только к административной ответственности на основании статьи 7.27 «Мелкое хищение» КоАП Российской Федерации.

6. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена

должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 4 марта 2021 года № 5-П и др.). Отсутствие в системе правового регулирования специально установленных законодателем критериев, обеспечивающих однозначный и предсказуемый выбор между нормами, само по себе еще не свидетельствует об их неконституционности, поскольку соответствующая степень определенности может обеспечиваться в правоприменительной практике, в том числе за счет толкования, даваемого судами.

Применительно же к сфере уголовно-правовых отношений требования к нормам, устанавливающим уголовную ответственность, должны быть особенно высоки, что предопределяет повышенный стандарт обеспечения определенности правового регулирования в рамках компетенции судебной власти. Помимо конституционного истолкования, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, такая определенность для судов, к которым относится и заявитель, может быть обеспечена в рамках полномочия Верховного Суда Российской Федерации давать разъяснения по вопросам судебной практики в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (статья 126 Конституции Российской Федерации и пункт 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

6.1. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление от 29 июня 2021 года № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

В соответствии с его пунктом 5 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дополнено пунктом 25¹. В силу названного пункта тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». По пункту «г» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации квалифицируются действия лица и в том случае, когда оно тайно похитило денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства, использовав необходимую для получения доступа к ним конфиденциальную информацию владельца денежных средств (например, персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольную информацию, пароли).

Одновременно пунктом 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 22 из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» исключен, помимо прочего, абзац первый пункта 17. В указанном абзаце применительно к предшествующей редакции статьи 159³ УК Российской Федерации и в отсутствие в части третьей статьи 158 данного Кодекса пункта «г» (квалифицирующего признака кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), введенного Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ, содержалось разъяснение о том, что действия лица следует квалифицировать по статье 159³ УК Российской Федерации в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты

на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Таким образом Верховным Судом Российской Федерации устранена существовавшая в правоприменительной практике неопределенность в разграничении составов кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, и мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Что же касается несоответствия санкций и категорий преступлений, предусмотренных пунктом «г» части третьей статьи 158 и частью первой статьи 159³ УК Российской Федерации, а также различного решения вопроса о возможности квалификации хищения денежных средств с банковского счета (равно как и электронных денежных средств с использованием электронных средств платежа) как административного правонарушения, то Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает в данном случае такой несоответственности ответственности совершенному деянию (даже если оно квалифицировано по пункту «г» части третьей статьи 158 названного Кодекса), которая предполагала бы необходимость конституционной оценки оспариваемых положений в этом аспекте с учетом того, что хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств не только посягает на собственность, но и может подрывать доверие к безналичным способам хранения денежных средств и ведению расчетов, которые являются важным элементом устойчивого функционирования современной экономики.

6.2. В силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативного акта, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного нормативного акта (часть первая статьи 101); основанием к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в

вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации нормативный акт (часть вторая статьи 36). Следовательно, отсутствие такой неопределенности влечет отказ в принятии обращения к рассмотрению.

Неопределенность в вопросе о конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ УК Российской Федерации, выражающаяся в невозможности надлежащим образом разграничивать содержащиеся в них составы преступлений применительно к случаям хищения денежных средств с банковского счета путем использования лицом платежной карты владельца названного банковского счета при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода, в настоящее время устранена. Заявителем выступает суд, в связи с чем не требуется принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации для восстановления конституционных прав. Поэтому с учетом положений части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» имеется основание для прекращения производства по делу в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани.

Этим не исключается право федерального законодателя внести изменения в законодательство, направленные на совершенствование мер уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета, а равно электронных денежных средств с использованием электронных средств платежа.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43, статьями 68 и 71, частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Прекратить производство по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ УК Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани.

2. Настоящее Определение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1374-О